

В.Н. ЕФРЕМОВА

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОФИЦИАЛЬНОЙ
СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРАЗДНИКОВ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

После распада СССР все бывшие советские республики, в том числе Россия, столкнулись с необходимостью проведения новой символической политики, которая могла бы легитимировать новые режимы. Неотъемлемой частью таких изменений стали пересмотр праздничного календаря и выбор новых государственных праздников. В Советском Союзе праздники занимали важное место в арсенале пропаганды, они «служили инструментом для популяризации политических целей и манипулирования людьми... они также были одним из каналов, через которые политика режима проводилась в жизнь» [Рольф, 2009, с. 7]. В 1991 г. казалось, что поражение августовского путча и установление новой власти могут лишить возможности отмечать привычные «красные дни календаря». Однако новые демократические силы не пошли на кардинальное упразднение старых праздников: власть решила кооптировать советские практики с постепенным вводом в праздничный календарь новых.

Трансформация существующих и введение новых государственных праздников потребовали скрупулезной работы по отношению к выбору исторически значимого прошлого. Подобную ситуацию в семиотическом ключе хорошо описал М.Ю. Лотман, заметив, что «меняется не только состав текстов, меняются сами тексты. Под влиянием новых кодов, которые используются для

дешифровки текстов, отложившихся в памяти культуры в давно прошедшие времена, происходит смещение значимых и незначимых элементов структуры текста» [Лотман, 2010, с. 263]. Таким образом, для новых праздников было необходимо «извлечь» «нужные» события из истории и придать им современный смысл. Содержание «культурной памяти», в контексте которой чаще всего исследуются праздники в целом [см., например: Rodriguez, Fortier, 2007], не постоянно, оно изменяется в зависимости от социальных и политических условий, т.е. обусловлено «социальными рамками» памяти [Ассман, 2014, с. 161].

В отличие от других инструментов символической политики, таких как государственный флаг, гимн, официальная символика, государственные праздники представляют собой «нестабильные символы»¹. Их невозможно отменить и забыть в одночасье: требуется достаточно длительное время, чтобы поколения утратили культурную и социальную память. Поэтому новые режимы, как правило, идут на трансформацию уже существующих практик и содержания праздников. Как показал В. Глебкин, процесс создания культурных форм, соответствующих советскому празднику, сопровождался перенесением на новую реальность ранее сформировавшихся механизмов. Именно благодаря повсеместной ритуализации, уходящей своими корнями в культуру русской интеллигенции и крестьянства, советские массовые праздники изначально получили поддержку в народе. Так, например, элементы религиозного крестного хода, популярного в дореволюционной России (Пасха, Крещение Господне и т.д.), были заимствованы советскими демонстрациями. А элементы обряда крестин легли в основу посвящения в пионеры [Глебкин, 1998].

Проблематика, связанная с социальной памятью, использованием и интерпретацией прошлого, стала активно обсуждаться в профессиональном сообществе историков и политологов не столь давно [см.: Миллер, 2009; 2012; Малинова, 2013 а, 2013 б, 2013 с; Копосов, 2011; Империя и нация... 2011; Власть времени, 2011; Ассман, 2014 и др.]. Как отмечает А.И. Миллер, «о политизации истории можно говорить в том случае, когда политики используют

---

¹ Термин принадлежит авторам коллективной монографии «Национальные праздники: конструирование и мобилизация национальной идентичности» [National day's, 2009].

“исторические” аргументы в своих выступлениях», а собственно *политика памяти* «касается различных общественных практик и норм, связанных с регулированием коллективной памяти» [Миллер, 2009, с. 7]. Вслед за О.Ю. Малиновой мы исходим из того, что политическое использование прошлого является элементом символической политики, под которой понимается «деятельность, связанная с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве» [Малинова, 2013 с, с. 115]. В связи с чем символическая политика государственных праздников во многом определяется действиями элит, которые, в терминах П. Бурдьё, находятся в уникальном положении и обладают символической властью по учреждению, упразднению или трансформации тех или иных праздников. Государственный праздник подчеркивает роль власти. В сущности, продвижение определенного видения идеи праздника – это формулирование ценностей, на основе которых организуется общество, выбор исторического прошлого и путей развития.

Мы отдаем себе отчет в том, что публичное пространство, в котором происходит символическая борьба за наделение праздников смыслами, не является закрытым: помимо государства существуют другие политические акторы, использующие в своих целях их идеологический потенциал. В данной статье объектом нашего внимания являются собственно действия политической элиты, действующей от имени государства. Опираясь на работы других авторов, посвященных символической политике и исследованию политики прошлого, мы попытаемся проследить, каким образом происходила трансформация государственных праздников в России начиная с 1990-х годов и до настоящего времени. Задача данной статьи – выявить основные тенденции использования властвующей элитой государственных праздников в контексте политики памяти.

В качестве основы для периодизации официальной символической политики в современной России мы будем использовать подход, предложенный О.Ю. Малиновой [Малинова, 2013 с]. Согласно ее версии, практика политического использования прошлого в дискурсе властвующей элиты применялась для решения конкретных проблем или задач и была подчинена логике легитимации политического курса.

1-й этап – отрицание тоталитарного прошлого и первые попытки приспособления советских праздников (1990–1994)

В первые годы постсоветской России ядром новых исторических представлений выступало отрицание советского опыта. Символическая политика была подчинена задаче оправдания курса на радикальную трансформацию политического порядка [Малинова, 2013 с, с. 117]. Однако на начальном этапе изменение советского праздничного календаря не было столь решительным.

Первые попытки по восстановлению исторической преемственности с досоветским периодом стали предприниматься еще до официального распада СССР. Признание Рождества Христова как важного праздника произошло за полгода до обретения независимости современной России и за год до подписания соглашения о создании СНГ – в конце 1990 г., когда Верховный Совет РСФСР выпустил Постановление № 2981-1 «Об объявлении 7 января (Рождества Христова) нерабочим днем» [Постановление Верховного Совета РСФСР... 1990]. В постановлении делалась ссылка на обращение Патриарха Московского и Всея Руси Алексия и уважение «религиозных чувств верующих». В целом «в начале 1990-х годов происходило идеологическое оформление позиций РПЦ по отношению к власти и сотрудничеству с ней. Церковь, как и новое государство, активно осуждала коммунистическую идеологию и пыталась предложить свое видение национальной идеи и дальнейшего пути развития» [Безбородов, 2010, с. 268]. Первые службы, на которых присутствовали первые лица государства, прошли в 1992 г., когда Патриарх Всея Руси Алексий II поздравил прихожан и лично президента России Б.Н. Ельцина с праздником Рождества Христова [Фильм Рождество Христова, 1992]. Таким образом, государство официально признало значимость церкви, а христианский праздник занял то место, которое раньше было немислимо.

Первым советским праздником, потерявшим статус государственного, стал День Конституции СССР, отмечающийся с 1977 по 1991 г. 7 октября. По свидетельству ряда СМИ, в 1991 г. праздник хоть и был выходным днем, но фактически не праздновался [см., например: Независимая, 1991]. В 1992 г. с принятием Закона «О внесении изменений и дополнений в Кодекс законов о труде РСФСР» [Закон РФ от 25.09.1992 № 3543–1... 1992] 7 октября ис-

чезло из перечня государственных праздников. Отмечать новый праздник стали в декабре после принятия на референдуме 12 декабря 1993 г. новой Конституции. Он был закреплен в 1994 г. указами президента России («О Дне Конституции Российской Федерации» и «О нерабочем дне 12 декабря»).

После полного запрета деятельности КПСС и Компартии РСФСР, введенного указом президента РСФСР Бориса Ельцина 6 ноября 1991 г. в преддверии главного государственного праздника СССР – Великой Октябрьской социалистической революции, ее официальное празднование было отменено. Лишь отдельными группами, находящимися в оппозиции к новой власти, были организованы акции протеста [Здравомыслова, Темкина, 1994, с. 94–97]. Однако 7 ноября оставалось выходным днем вплоть до 2004 г. Как и другие советские праздники – Новый год (1 и 2 января), Международный женский день (8 марта), Праздник весны и труда (1 и 2 мая), День Победы (9 мая), – он был закреплен поправками в Кодекс законов о труде РСФСР [Закон РФ от 25.09.1992 № 3543–1... 1992]. Для легитимации 7 ноября в качестве выходного дня в Санкт-Петербурге даже придумали новое идеологическое обоснование, объявив его Днем празднования переименования города [Здравомыслова, Темкина, 1994, с. 95].

Очевидно, что часть советских праздников, изначально глубоко идеологизированных, не соответствовала новым реалиям. Тем не менее они сохраняли свое значение, а спонтанный отказ от их празднования мог усугубить положение новой власти из-за неодобрения общества. Поэтому государство пошло по пути изменения их идеологического содержания и наименования. По мнению М. Рольфа, это было обусловлено тем, что советские праздники обладали устойчивостью. Их способность интегрироваться в новый официальный канон была связана с «адаптивностью праздничных поводов», которые легко могут быть наполнены новыми элементами по содержанию и по форме [Рольф, 2009, с. 354].

Помимо попыток ревизии статуса и идеологического содержания «старых» праздников, демократические силы, пришедшие к власти в России в начале 1990-х годов, приступили к изменению праздничного календаря путем добавления новых памятных дат в честь новой России. Главным праздником «новой России» должно было стать 12 июня, изначально получившее название День незави-

симости России. В этот день в 1990 г. была принята «Декларация о государственном суверенитете РСФСР». Через год, 12 июня 1991 г. прошли первые выборы президента России. Согласно Постановлению Верховного Совета РФ от 11 июня 1992 г. 12 июня стало праздничной датой как День принятия «Декларации о государственном суверенитете России» [Постановление Верховного Совета РФ... 1992]. В качестве официальных мероприятий с 1992 г. стало практиковаться награждение Государственной премией Российской Федерации в области науки и технологий, литературы и искусства и в области гуманитарной деятельности. Однако, как заметила К. Смит, 12 июня практически тотчас же стало противоречивым праздником с сомнительной популярностью. Одной из причин было то, что «националисты и коммунисты видели в этой дате распад СССР и последующее разбазаривание его ресурсов», ответственность за которую должен был взять Б.Н. Ельцин, непосредственно подписавший Декларацию суверенитета [Smith, 2002, p. 92]. В той же мере оставались вопросы: чем после всего считать 12 июня – годовщиной нации или президентства? «От кого Россия стала независимой? От Украины, Белоруссии, Казахстана... или других соседей» [ibid., p. 92–93]?

В конечном счете на первом этапе символическая политика государственных праздников не привела к кардинальным и сиюминутным изменениям. Этому можно найти как минимум три причины.

- Советские праздники имели длинную историю, а практики их празднования укоренились в обществе. Изменения в культуре в целом происходят гораздо медленнее, чем социальные изменения, и «"нарастание" социальной оболочки на новый социум – достаточно длительный процесс» [Глебкин, 1998, с. 69]. Именно приверженность к общим символам, по мнению Н. Копосова, позволила постсоветским людям уже в 1990-е и особенно в 2000-е годы «вернуться ко многим историческим представлениям, характерным для советской идеологии» [Копосов, 2011, с. 128].

- Советская идеология, а с ней и система воспитания и социализации была еще глубоко укорена в сознании россиян. Как отмечает Н. Копосов, за осуждением сталинизма в начале 1990-х годов не последовало серьезной «проработки» советского прошлого [Копосов, 2011, с. 129], вследствие чего советские практики, а с ними

формы празднования пережили падение коммунистического режима и снова стали востребованы.

- Символические практики, связанные с новыми праздниками, сложились не сразу.

2-й этап – призыв к разработке новой «национальной идеи», поиск государственной идеологии и вытеснение «старых» смыслов советских праздников (1995–1999)

Вторая половина 1990-х годов ознаменовалась некоторыми изменениями политики памяти и символического использования государственных праздников. Основные изменения были связаны с поиском новых ракурсов интерпретации победы в Великой Отечественной войне, 50-летие которой праздновалось в 1995 г. При проведении праздника Дня Победы власть опиралась на институционализированную память о войне, но также предпринимала попытки приспособить устоявшиеся смыслы и публичные практики к новым политическим реалиям. Впервые проведение парадов проходило на двух площадках – Красной площади, куда из-за восстановления Воскресенских ворот не смогла пройти военная техника, и Кутузовском проспекте на Поклонной горе [Бордюгов, 2010, с. 212]. Власти также пошли на возрождение советских символов. Так, например, Знамя Победы впоследствии стало использоваться наряду с официальным флагом России постоянно. Как отмечает Н. Копосов, в 1995 г. «в образе войны подчеркивались прежде всего страдания народа, а отнюдь не величие государства» [Копосов, 2011, с. 136].

Б.Н. Ельцин последовательно оставался верен антикоммунистической риторике до конца своего президентства [Миллер, 2012, с. 329]. Как показывает О.Ю. Малинова, он и его спичрайтеры «пытались найти новые ракурсы интерпретации Великой Победы» [Малинова, 2013 с, с. 120], использовать этот символ, значение которого никем не оспаривалось. Примечательно, что поиск новых объединяющих смыслов произошел после того, как в 1994 г. в послании Б. Ельцина Федеральному собранию «Об укреплении Российского государства» был провозглашен приоритет понимания «нации как согражданства» [Ельцин, 1994], после чего идея «российской

нации» стала активно обсуждаться. Выступление Б.Н. Ельцина вскоре после победы на выборах в августе 1996 г. резко активизировало размышления на тему национальной идеи, решение которой представлялось жизненно важным для страны [Королев, 2005, с. 79].

Вместе с тем власти активно работали над вытеснением смыслов Дня Великой Октябрьской революции, которому приписывалось значение «катастрофы». За год до празднования 80-летия революции власти попытались превратить этот праздник в День согласия и примирения «в целях смягчения противостояния и примирения различных слоев российского общества» [Указ Президента РФ от 07.11.1996 № 1537... 1996]. Прекрасно понимая, что упразднение праздника в одночасье невозможно по причине укорененности практик его празднования в памяти граждан, власти наполнили его новым смыслом и превратили в символ консенсуса политических сил, на который опиралась новая государственная идеология.

На фоне поиска «национальной идеи», которая поможет объединить общество и маргинализовать националистическую и коммунистическую оппозицию, произошло изменение названия 12 июня. В своем выступлении 1998 г. Борис Ельцин предложил новое название праздника – День России. Сделано это было, дабы избежать противоречивые интерпретации, окружавшие главный праздник страны. Таким образом власть корректировала символическую политику государственных праздников, реагируя на запросы граждан. Примечательно, что День России сравнивался с Днем рождения, самым популярным (на фоне непростой исторической и политической ситуации) личным праздником для каждого человека. «День 12 июня по праву является государственным праздником. Но я, как президент, хотел бы, чтобы он воспринимался каждым россиянином как особый день. Не как день принятия важного, но далекого от жизни отдельного человека документа, а именно как наш общий день. Как день нашей страны России», – заявил Ельцин [цит. по: Куприянова, 2009]. Несмотря на переименование 12 июня в День России и существование Дня Конституции, вопрос о главном празднике в стране оставался открытым.

Таким образом, второй президентский срок Б.Н. Ельцина, в рамках которого был провозглашен курс на поиск национальной

идеи, не внес ясности в практики использования государственных праздников.

3-й этап – курс на великодержавность, избирательное отношение к прошлому и реформа российского праздничного календаря (2000–2011)

Стержнем нового этапа символической политики стала идея президента В.В. Путина создания сильного государства. Так, новый режим «пытался сочетать идею возврата к российским и советским традициям с утверждением того, что в стране продолжается строительство демократии» [Копосов, 2011, с. 137]. Символическая политика в отношении государственных праздников формировалась в общем контексте исторической политики и политики памяти.

В преддверии трансформации российского праздничного законодательства статус выходного дня наконец был закреплен указом президента за Днем защитника Отечества (2002). В советский период 23 февраля называлось днем рождения Красной армии, несмотря на достаточно случайный выбор даты [см. подробнее: Миронов, 1994]. Многократные (1997, 1998) попытки трансформировать его название (с День победы Красной Армии над кайзеровскими войсками Германии – День защитника Отечества до День защитника Отечества) предпринимались еще в 1997 и 1998 гг. отдельными депутатами. Тогда же поднимался вопрос о значении праздника в новой России («праздник всего народа и целого Российского государства»). Однако в разгар кризиса 1998 г. поправки не прошли по экономическим причинам. Можно предположить, что такой интерес к 23 февраля был связан с необходимостью применения жестких мер на территории Северного Кавказа. В 2006 г. с поправками к Федеральному закону «О днях воинской славы и памятных датах России» [Федеральный закон от 15.04.2006] из официального названия празднования были исключены слова «День победы Красной Армии над кайзеровскими войсками Германии (1918 год)». 23 февраля превратился в праздник Вооруженных сил, а поздравительные речи официальных лиц государства посвящены обоснованию наращивания потенциала армии и флота.

Непосредственное изменение праздничного календаря на новом этапе совпало с периодом подготовки и празднованием 60-летия Победы (2005), которая при Путине была возвышена до статуса главного события в истории страны («...победы добра над злом, свободы – над тиранией» [Путин, 2005])¹. Кроме того, общая победа в войне (и общий культ Победы) предстает в качестве главного спланированного символа «многонационального русского народа», который «фактически является калькой с народа советского» [Храмов, 2010, с. 19]. Как убедительно показывает Н. Копосов, миф о войне стал настоящим мифом происхождения постсоветской России [Копосов, 2011, с. 162–168].

Вместе с тем серьезные изменения коснулись уже существующих праздников. Так, окончательно статуса государственного праздника лишилось 7 ноября, которое в качестве Дня согласия и примирения праздником, «к сожалению, не стало» и «не может считаться общенациональным» [Стенограмма заседания 23 ноября 2004... 2004]. Сегодня он отмечается как памятная дата – День Октябрьской революции 1917 г. и день воинской славы России – День проведения военного парада на Красной площади в Москве в ознаменование 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (1941 г.). Не оправдал доверие и День Конституции, которой с 2005 г. больше не является выходным днем, а причислен к памятным датам России.

«На замену» 7 ноября в российском праздничном календаре в 2005 г. появился новый праздник – 4 ноября (День народного единства), претендующий на то, чтобы стать главным государственным праздником. В пояснительной записке к проекту закона были указаны его исторические корни: «4 ноября 1612 г. войны народного ополчения под предводительством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского штурмом взяли Китай-город, освободив Москву от польских интервентов», «продемонстрировав образец героизма и сплоченности всего народа вне зависимости от происхождения, вероисповедания и положения в обществе» [Стенограмма заседания 23 ноября 2004... 2004].

---

¹ Более подробно о политическом использовании символа Великой Отечественной войны см.: [Малинова, 2013 б].

Известно, что идея учреждения праздника была высказана Межрелигиозным советом России и позже поддержана Комитетом по труду и социальной политике Госдумы. По сути предложенный праздник является попыткой возвеличивания исторического прошлого Российской империи и намеренно привязан к церковному празднику Дня иконы Казанской Божьей Матери. С исторической же точки зрения депутаты совершили ошибку в календарных расчетах: 4 ноября 1612 г. «ни одного сколько-нибудь заметного события, связанного с “освобождением Москвы от польских интервентов” или с “окончанием Смутного времени”, не произошло» [Назаров, 2004].

По мнению авторов проекта, новая дата должна была бы исправить затруднительное положение, когда «среди российских праздников нет ни одного, который отражал бы славные и видные даты дореволюционной России», и могла бы «стать символом единения всех граждан», «сплотить весь народ, восполнить пробелы в исторической памяти россиян» [Стенограмма заседания 23 ноября 2004... 2004]. Подчеркивалось, что события того периода «имеют не меньшее историческое значение, чем для всех нас с вами уже в новое время имеет 9 мая – День Победы над фашизмом» [Стенограмма заседания 23 ноября 2004... 2004].

Для объяснения значения нового праздника использовалась символическая категория «Русский мир», под которой понимались история, русский язык, российская культура, некая целостность и многообразие. В 2007 г. для его популяризации указом президента В. Путина был учрежден одноименный фонд [Указ Президента РФ от 21.06.2007]. В состав правления фонда помимо президента РФ вошли президент фонда «Политика» В. Никонов, директор департамента Минобрнауки И. Калина, директор фонда «Политика» С. Моргунов, замдиректора департамента генсекретариата МИДа П. Прокофьев, начальник департамента референтуры президента РФ А. Шарков. А в составе представителей попечительского совета оказались представители Московской епархии, деятели культуры, представители государственных СМИ, депутаты госдумы и совфеда [там же]. В дальнейшем подчеркивалось, что «Русский мир» – «это явление не имеет границ, оно не подвержено политической конъюнктуре, а иногда, по сути, политической цензуре» [Медведев, 2008].

Таким образом, в период первых двух президентских сроков В. Путина и его преемника Д. Медведева государственные празд-

ники подверглись серьезному пересмотру. Провозглашенный курс на «единство» предполагалось реализовывать механическим подбором дат из разных исторических эпох, с разным идеологическим багажом. Это дало основание включиться другим политическим силам в борьбу за интерпретацию праздников [см., например: Ефремова, 2012]. Ассоциация с достижениями советского прошлого могла стать основанием для отказа в инициативе учреждения других значимых дат еще не забытого XX в., например Дня российской космонавтики (инициатива была высказана в 2004 г.).

4-й этап – новая постановка вопроса о коллективной идентичности (?) и активизация использования государственных праздников

Выделение следующего этапа символической политики пока строится на наших предположениях и, в первую очередь, связано с новой постановкой вопроса о национальной идентичности. О поиске идеологии, национального самосознания В.В. Путин говорил неоднократно на протяжении первых двух сроков президентства и своего премьерства. «Возрождение» России и укрепление ее мощи провозглашались основным приоритетом. Однако впервые за долгое время открыто о значимости национальной идентичности было заявлено в предвыборной статье «Россия: национальный вопрос», опубликованной в «Независимой газете» 23 января 2012 г. [Путин, 2012 b]. В ней кандидат в президенты раскрывает модель коллективной самоидентификации, отмечая, «что одним из главных условий самого существования нашей страны является гражданское и межнациональное согласие». Одновременно отождествляя национальность и этничность, Путин также пользуется формулой «полиэтническая цивилизация», а «скрепляющая ткань этой уникальной цивилизации – русский народ, русская культура» [там же].

Тема «возрождения национального сознания» оказалась в центре первого послания Путина Федеральному собранию в качестве вновь избранного президента в 2012 г. С новой силой прозвучала идея «связать воедино исторические эпохи», указывая на то, «что Россия началась не с 1917-го и даже не с 1991 года, что у нас единая, неразрывная тысячелетняя история, опираясь на которую мы

обретаем внутреннюю силу и смысл национального развития» [Путин, 2012 а]. Собственно, разъяснения того, как России обрести национальную идентичность, прозвучали из уст президента на Валдайском форуме в сентябре 2013 г. Его программная речь, озаглавленная «Поиск национальной идентичности», была посвящена проблеме «поиска новой стратегии и сохранения своей идентичности» [Путин, 2013 а]. Этот поиск – «возвращение в собственную историю». Говоря о проблеме идентичности, Путин позиционировал себя в качестве консервативного политика. Для его позиции характерна, прежде всего, ревностная защита суверенности страны: «Суверенитет, самостоятельность, целостность России – безусловны. Это те “красные линии”, за которые нельзя никому заходить» [там же].

Тема консерватизма вновь прозвучала в послании Федеральному собранию в 2013 г. Опорой для противостояния «стирания» национальных традиций, по мысли В.В. Путина, должны стать традиционные ценности, которые «тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации» [Путин, 2013 б].

Эти и другие действия можно рассматривать как косвенное подтверждение того, что власть вновь предпринимает попытку конструирования идентичности, которая потребует поиска новых смыслов и их закрепления. Однако в части государственных праздников изменения пока (?) не столь заметны.

На наш взгляд, можно обозначить первые возможные предпосылки для переосмысления праздников. Власть снова обратилась к ресурсу Дня народного единства, сделать несколько попыток по целенаправленному конструированию смыслов данного праздника. Так, в статье «Россия: национальный вопрос» В.В. Путин называет День народного единства «днем рождения нашей гражданской нации» [Путин, 2012 б] вместо ранее транслируемого Дня гражданского общества. О значимости событий 1612 г. в контексте национальной безопасности в дальнейшем было заявлено и на праздничном вечере, посвященном Дню защитника Отечества в 2014 г. (чего раньше не происходило): «Мы гордимся всеми, кто на протяжении веков самоотверженно отстаивал свободу и независимость России: древнерусскими ратниками, ополченцами 1612 года, героями Бородина, солдатами и офицерами Первой мировой войны» [Путин, 2014].

Таким образом, какие-либо существенные новации относительно практик использования государственных праздников не

очевидны. Об этом можно будет судить спустя определенное время, когда будут достигнуты первые результаты по конструированию и оформлению национальной идентичности в виде включения в публичный оборот новых нарративов и символов, связанных с событиями прошлого. Поэтому вопрос о существенной трансформации смыслового содержания праздников в условиях продолжающихся поисков пока остается открытым.

В качестве добавления отметим, что в период нового президентского срока В.В. Путина особую значимость приобрели социальные аспекты использования праздников – как инструментов регламентации повседневной жизни. Используя тему государственных праздников как часть предвыборной кампании, кандидат в президенты В.В. Путин предложил сократить новогодние каникулы до семи дней, оставив праздничными дни с 1 по 7 января. Данная инициатива неоднократно возникала и была частью возобновляемого дискурса среди других политических акторов (например, у ЛДПР и «Справедливой России»), что также дало возможность заручиться их символической поддержкой. «Праздники у нас – затяжные новогодние. Вполне можно было бы сделать так, чтобы ограничить все рождественские праздники, скажем, точно седьмым января – Рождеством. А все, что накапливается дальше, – переносить, скажем, на май, чего люди хотят», – сказал премьер Путин [цит. по: Романова, 2012].

Новая законодательная инициатива дала возможность манипулировать праздничными выходными, что в дальнейшем стало актуально при проведении инаугурации президента (7 мая 2012 г.). Так, торжественная церемония проходила в выходной день, а акции протеста (5 мая) – в рабочий [Петренко, 2012]. Постановление правительства о переносе выходных дней премьер Путин подписал 15 марта уже после того, как стала известна дата масштабной акции протеста оппозиции.

* * *

Подводя итог, следует отметить, что формирование государственных праздников в современной России происходило в условиях приспособления советского и дореволюционного прошлого к новым реалиям. Условно праздники «новой» России можно раз-

бить на две группы – «старые», доставшиеся от СССР, и «новые». В отношении первой группы действовала логика постепенного вытеснения идеологически неудобных смыслов. Вторая группа оказалась в ситуации изобретения символов и нарративов, связанных с российской историей в приемлемом демократическом ключе.

В целом, как показывает опыт современной России, потенциал государственных праздников как инструментов символической политики остается задействован мало. Практика их использования подчас оказывается сиюминутной, без комплексной проработки их роли в конструировании национального самосознания. В конечном счете властвующая элита, опираясь на миф о «великой войне», вынуждена использовать в качестве главного праздника День Победы, значение которого не вызывает сомнения.

Литература

- Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: НЛЮ, 2014. – 328 с.
- Безбородов М.И.* Основные принципы церковно-государственных отношений в социально-политической доктрине РПЦ // Политэкс. – СПб., 2010. – № 2. – С. 257–289.
- Бордюгов Г.А.* Октябрь. Сталин. Победа: Культ юбилеев в пространстве памяти. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 255 с.
- Власть времени: социальные границы памяти / Под ред. В.Н. Ярской, Е.Р. Ярской-Смирновой. – М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2011. – 223 с.
- Глебкин В.В.* Ритуал в советской культуре. – М.: Янус-К, 1998. – 168 с.
- Ельцин Б.Н.* Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «Об укреплении Российского Государства». – М., 1994. – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/?newsid=58> (Дата посещения: 15.04.2014.)
- Ефремова В.Н.* День народного единства: изобретение праздника // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Ред. кол.: О.Ю. Малинова – гл. ред. и др. – М., 2012. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – С. 286–300.
- Закон РФ от 25.09.1992 № 3543–1 «О внесении изменений и дополнений в Кодекс законов о труде РСФСР». – М., 1992. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1043/ (Дата посещения: 15.04.2014.)
- Здравомыслова Е., Темкина А.* Октябрьские демонстрации в России: От государственного праздника к акции протеста // Петербургский философский журнал «Сфинкс». – СПб.: Алга-Фонд, 1994. – № 2. – С. 76–99.

- Империя и нация в зеркале исторической памяти: Сб. ст. / Под ред. А. Семенова, И. Герасимова, М. Могильнер. – М.: Новое издательство, 2011. – 416 с.
- Копосов Н.* Память строгого режима: История и политика в России. – М.: НЛЮ, 2011. – 320 с.
- Королев С.А.* «Национальная идея» как инструмент электорального воздействия: Управляемая демократия в поисках идеологической опоры // Режим Путина, идея и практика / Голосов Г.В., Бляхер Л.Е., Коктыш К.Е. и др. – М.: В. Секачев, 2005. – С. 79–193.
- Курьянова Е.* С Днем России! – М., 2009. – Режим доступа: <http://www.smi.ru/09/06/11/909423512.html> (Дата посещения: 12.12.2009.)
- Лотман М.Ю.* Память в культурологическом освещении // Лотман М.Ю. Семиосфера. – СПб.: Искусство–СПб, 2010. – С. 673–675.
- Малинова О.Ю.* Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России: Монография / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки. – М., 2013 а. – 421 с.
- Малинова О.Ю.* Политическое использование символа Великой Отечественной войны в постсоветской России: Эволюция дискурса властвующей элиты // Прошлый век / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки., Ред. кол.: Миллер А.И., гл. ред., и др. – М., 2013 б. – Вып. 1. – С. 158–186.
- Малинова О.Ю.* Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. – Ростов-на-Дону, 2013. – № 1. – С. 114–130.
- Медведев Д.А.* Выступление на торжественном приеме, посвященном Дню народного единства // Президент России. – М., 2008. – 4 ноября. – Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/1966> (Дата посещения: 08.04.2010.)
- Миллер А.И.* Дебаты об истории и немецкая идентичность // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2005. – № 3. – С. 66–75.
- Миллер А.И.* Историческая политика в России: новый поворот? // Историческая политика в XXI веке / Под ред. А. Миллер, М. Липман. – М.: НЛЮ, 2012. – С. 328–367.
- Миллер А.И.* Россия: власть и история // Pro et Contra. – М., 2009. – № 3–4, май – август. – С. 6–23.
- Миронов В.* 23 февраля. История фальсификации // Новый часовой. – СПб., 1994. – № 1. – С. 39–42.
- Назаров В.* Что будем праздновать 4 ноября? // Отечественные записки. – М., 2004. – № 5 (20). – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2004/5/chto-budut-prazdnovat-v-rossii-4-noyabrya-2005-goda> (Дата посещения: 20.04.2014.)
- Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова; Предисл. Ф Бомсдорфа. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Фонд Фридриха Науманна: АИРО-XXI, 2003. – 432 с.
- Независимая газета. – М., 1991. – № 122, 8 октября. – С. 1–8 (весь выпуск).
- Петренко В.* Майские праздники прибились к инаугурации // Газета. RU. – М., 2012. – 15 марта. – Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/social/2012/03/15/4092721.shtml> (Дата посещения: 08.04.2014.)

- Постановление Верховного Совета РСФСР от 27.12.1990 № 2981-I «Об объявлении 7 января (Рождества Христова) нерабочим днем». – М., 1990. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=2895> (Дата посещения: 07.05.2013.)
- Постановление Верховного Совета РФ от 11 июня 1992 года «О праздничном дне 12 июня» № 2981-I (ВБСР 92–25). – М., 1992. – Режим доступа: http://www.innovbusiness.ru/pravo/DocumShow_DocumID_40882.html (Дата посещения: 15.11.2009.)
- Путин В.В.* Выступление на Военном параде в честь 60-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Президент России. – М., 2005. – 9 мая. – Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2005/05/09/1100_type63374type82634type122346_87819.shtml (Дата посещения: 18.11.2012.)
- Путин В.В.* Выступление на заседании клуба «Валдай» // Российская газета. – 19 сентября. – М., 2013 а. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html> (Дата посещения: 27.05.2014.)
- Путин В.В.* Выступление на торжественном вечере, посвященном Дню защитника Отечества // Президент России. – М., 2014. – 20 февраля. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/20293> (Дата посещения: 01.05.2014.)
- Путин В.В.* Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. – М., 2012 а. – 12 декабря. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/17118> (Дата посещения: 27.05.2014.)
- Путин В.В.* Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. – М., 2013 б. – 12 декабря. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/19825> (Дата посещения: 27.05.2014.)
- Путин В.В.* Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – М., 2012 б. – 23 января. – Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (Дата посещения: 18.11.2012.)
- Рольф М.* Советские массовые праздники. – М.: РОССПЭН, 2009. – 440 с.
- Стенограмма заседания 20 мая 1998 г. // Государственная дума. – М., 1998. – 20 мая. – Режим доступа: <http://api.duma.gov.ru/api/transcriptFull/1998-05-20> (Дата посещения: 15.11.2009.)
- Романова О.В.* Путин предложил ограничиться неделей новогодних каникул // Деловой квартал. – М., 2012. – 9 февраля. – Режим доступа: <http://www.dk.ru/news/vputin-predlozhit-ogranichitsya-nedelej-novogodnix-kanikul-236544570> (Дата посещения: 16.04.2014.)
- Стенограмма заседания 23 ноября 2004 г. № 61 (775) // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. – М., 2004. – 23 ноября – Режим доступа: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1197/#sel=> (Дата посещения: 14.12.2011.)
- Указ Президента РФ от 07.11.1996 № 1537 «О дне согласия и примирения» // Президент России. – М., 1996. – Режим доступа: <http://document.kremlin.ru/page.aspx?1204000> (Дата посещения: 13.04.2014.)
- Указ Президента РФ от 09.12.1994 № 2167 «О нерабочем дне 12 декабря». – М., 1994. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5150/ (Дата посещения: 13.04.2014.)

- Указ Президента РФ от 19.09.1994 № 1926 «О Дне Конституции Российской Федерации» // Президент России. – М., 1994. – Режим доступа: <http://document.kremlin.ru/page.aspx?1211814> (Дата посещения: 13.04.2014.)
- Указ Президента РФ от 21.06.2007 № 796 «О создании фонда “Русский мир”» // Президент России. – М., 2007. – Режим доступа: <http://document.kremlin.ru/page.aspx?1095311> (Дата посещения: 01.05.2014.)
- Фильм Рождество Христово: 3 части, Хронометраж: 0:26:14 / 14.11.2012 / Режиссер: Хорьяков А., оператор: Колобродов А., автор сценария: Морозов А. – М., 1992. – Режим доступа: <http://www.net-film.ru/film-9958> (Дата посещения: 13.04.2014.)
- Федеральный закон № 200 «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона “О днях воинской славы (победных днях) России”». – М., 2004. – Режим доступа: <http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=025932> (Дата посещения: 06.04.2010.)
- Федеральный закон от 15.04.2006 № 48-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона “О днях воинской славы и памятных датах России”». – М., 2006. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=59595> (Дата посещения: 01.05.2014.)
- Храмов А.* Война: Политика памяти. К постановке проблемы // Посев. – М.; Frankfurt a. M., 2010. – № 4. – С. 15–21.
- National day's: Constructing and mobilizing national identity / Ed. by McCrone D., McPherson G. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2009. – 283 p.
- Smith K.E.* Mythmaking in the new Russia: Politics and memory during the Yeltsin era. – Ithaca; L.: Cornell univ. press, 2002. – 223 p.
- Rodriguez J., Fortier T.* Cultural memory: Resistance; faith; and identity. – Austin: Univ. of Texas press, 2007. – 154 p.